

Н. А. Хренов¹**СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ:
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС В XX ВЕК**

Создавшаяся сегодня ситуация, связанная с отторжением и изоляцией России, кажется беспрецедентной. Такой она кажется до тех пор, пока мы не начинаем ее рассматривать на уровне взаимоотношений между цивилизациями. Та вертикаль власти, которая, видимо, в современной России сегодня достигла апогея, лишь возвращает к ситуации первой половины XX века. Это возвращение к исходной точке цикла, начавшегося с приходом к власти Сталина. Нет, неслучайно мысль постоянно возвращается к нему. Несмотря на его чудовищные преступления, масса людей сохраняют о нем память. Что же, в конце концов, совершил Сталин, что его образ продолжает быть живым? Может быть, Россия сегодня снова оказалась в такой же ситуации, в какой находилась, когда к власти пришел Сталин, когда провидению было угодно, чтобы пришел лидер такого типа?

Проблема Сталина и отношения к нему сегодня лежат не в плоскости нашего актуального и меняющегося отношения к революции, а в плоскости нашей способности осознать ту ситуацию, которую в XX веке переживала российская цивилизация. Проблема России предстает таковой на той стадии мировой истории, когда возникает фаза, названная Шпенглером фазой цивилизации, то есть финальная. Естественно, у философа речь идет о финальной фазе прежде всего западной цивилизации. Если согласиться с ним, то новая ситуация, связанная с утратой лидерства Запада, приводит к свертыванию процесса вестернизации. Но это означает, что в новой ситуации Россия как цивилизация, ценностные ориентации которой в последние столетия определялись Западом, должна была снова задуматься о своей идентичности.

Вместе с закатом западной цивилизации уходил в прошлое и отрезок российской истории, который связан с историей петербургской России. Об этом, в частности, свидетельствовал и распад Российской империи в ходе начавшихся в XX веке революций. В дневнике З. Гиппиус — свидетельницы Февральской революции — есть замечательные страницы, которые читаются как летопись русской революции. В си-

туации массовой анархии либеральная власть оказалась перед необходимостью диктатуры [1, с. 154]. Когда отшумел гул революции и народ изжил свой *ressentiment*, Россия вновь оказалась в ситуации кризиса, в какой она, собственно, и была до революции, когда распадалась империя. Идеализация революции и превращение ее в единственно значимое событие, отныне определяющее ход истории, отвлекало от кризиса, понимаемого уже не как кризис империи и даже не как кризис революции, а как кризис цивилизации, что гораздо серьезнее.

Империя, конечно, не цивилизация. Цивилизация существует в больших временных рамках. В их границах формы политической, а следовательно, и государственной власти могут меняться. Однако длительный период российской цивилизации функционировала лишь в форме империи. Это свидетельствует о том, что для российской цивилизации это была наиболее оптимальная форма. Это объясняется тем, что российская цивилизация объединяет в своем составе множество разных народов и конфессий. Собственно, само строение цивилизации здесь тоже предстает в имперской форме. Именно поэтому в истории осознается распад империи, но не типа цивилизации.

Однако распад империи в России не может не затрагивать и цивилизационную основу. Все свидетельствует о том, что любое совершающееся в XX веке в границах политической истории событие необходимо рассматривать под цивилизационным углом зрения. Есть необходимость так же рассматривать и революцию, и, в частности, восстановление империи после прихода Сталина к власти. Причем, если революцию часто связывают исключительно с распадом империи, то деятельность Сталина требует уже иных уровней рассмотрения. Самоопределение России в новых условиях стало следствием заката западной цивилизации и распада Российской империи. Оно обязывает русских размышлять о будущих политических и цивилизационных трансформациях, уже не связанных исключительно с Западом.

Русская революция продемонстрировала отход России от Запада, хотя этот отход разворачивался на основе заимствованной на Западе системы идей (модерна и марксизма как варианта модерна) и обращенной против него. Возникающие после революции политические структуры оказались нежизнеспособными и вскоре завели в тупик. На повестке дня актуальными оказались и проблема выхода из внутреннего тупика, и проблема взаимоотношений с Западом, которые с появлением национал-социализма в Германии необычайно обострились. Столкновение с Западом казалось неотвратимым. Приближался второй акт Первой мировой войны — Вторая мировая. В этой ситуации необходим был «творческий ответ», который бы смог не только разрешить внутренние проблемы, но и отстаивать самостоятельность российской цивилизации. Ста-

¹ Главный научный сотрудник Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, профессор кафедры эстетики, истории и теории культуры Всероссийского государственного университета кинематографии им. С. А. Герасимова, доктор философских наук. Автор более 600 научных публикаций, в т. ч. книг: «Мифология досуга», «“Человек играющий” в русской культуре», «Кино: реабилитация архетипической реальности», «Зрелища в эпоху восстания масс», «Воля к сакральному», «Культура в эпоху социального хаоса», «Русский Протей», «Образы великого разрыва. Кино в контексте смены культурных циклов», «Социально-психологические аспекты взаимодействия искусства и публики», «Публика в истории культуры. Феномен публики в ракурсе психологии масс», «Социальная психология искусства: переходная эпоха», «Избранные работы по культурологии. Культура и империя» и др. Председатель Комиссии междисциплинарного изучения художественной деятельности при Научном совете РАН «История мировой культуры», член Союза кинематографистов России, член Союза театральных деятелей России.

лин такой ответ дал с помощью реабилитации исторического опыта России, о чем свидетельствует данный им сигнал о реабилитации истории, на что отреагировало искусство.

Сегодня, в первые десятилетия XXI века, мы вновь оказываемся в такой же ситуации, на которую на рубеже 1920–1930-х годов Сталин дал «творческий ответ». Значит, осмысление возникшей в XX веке ситуации лежит не только в плоскости политической истории. Мы сегодня вспоминаем и не можем забыть Сталина не потому, что он велик и гениален или чудовищно жесток и кровав, а потому, что проблема, которую ему пришлось решать, для нас снова стала актуальной, вернулась к нам. Речь, следовательно, идет уже не только о судьбе империи, к которой попытался вернуться Сталин, а о судьбе цивилизации в целом. Распад империи в России в сталинском варианте во второй раз обязывает русских мыслить в цивилизационном духе, то есть в больших протяженностях истории.

Ставя какую-либо задачу, которая, казалось бы, способна реализовать самую благую идею, просветить и облагородить человечество, тот или иной народ, используя неверные средства, способен нанести вред не только себе, но и человечеству, что постоянно в истории и происходит. Ведь для того чтобы реализовать идею добра, справедливости и братства, русские должны быть не только нравственно способными к этой акции, но и сильными. Но чтобы быть сильными, необходимо вызвать к жизни мощное государство, которое оказывается империей, а каждая империя, возникнув, стремится распространить свое влияние на весь мир. Такова уж природа империи. Но, чтобы распространиться в мировом пространстве, империя должна милитаризоваться. На этой основе возникает культ силы. А там, где сила, там и язычество. Чем больше язычества, тем быстрее угасают те нравственные ценности, которые принесло с собой христианство. Именно это усиление языческого начала на Руси усматривал В. Соловьев в связи с укреплением Иваном Грозным государственности [2, с. 572]. Со временем под воздействием имперского комплекса происходит перерождение. Ничего другого, кроме подавления других народов, этот уверовавший в себя народ дать уже оказывается неспособным. Мечта оказывается нереализованной, да и несостоявшейся. Это произошло в XX веке с Россией. Это в XXI веке происходит и с Америкой.

Сталин реабилитирует государственность и на развалинах царской возводит новую империю, хотя так ее и не называя. Эта империя оказалась в изоляции, когда во всем мире империи разрушались. Возвращение к империи и реальность тоталитарного государства означают одно и то же. Тоталитаризм означает жесткую регламентацию всего, что существует в государстве, вплоть до личной жизни людей. Ставя вопрос именно так, мы уже вводим его рассмотрение в пространство истории, понимаемой и как история культуры, и как история цивилизации. В данном случае мы следуем методологии изучения истории, используемой А. Тойнби, который развел историю государства и историю цивилизации, понимая последнюю шире, ибо в нее могут

входить несколько государств, как это демонстрирует, например, Запад [3, с. 407].

Сталинская тоталитарная система — вовсе не новая политическая конструкция, а дань и политической, и культурной традиции, сформировавшейся еще в глубокой истории, в ту эпоху, когда русские многое заимствовали у Византии. Следовательно, вопрос о генезисе тоталитаризма — это вопрос не только курса Сталина, но и истории и судьбы российской цивилизации. Оценки деятельности Сталина должны исходить из того, что им сделано такого, что в свое время позволило продлить жизнь России как особой цивилизации, независимо от того, осознавал это вождь или нет.

Как уже отмечалось, противостояние России и Запада имеет глубокие исторические корни. Заимствуя многое у Византии, Россия включалась в то противостояние, которое связано с противостоянием Запада и Византии. Конфликт, который получил во время Второй мировой войны выражение в столкновении России и Германии, уходит своими корнями глубоко в историю, в отношения между Римом первым и Римом вторым, то есть Византией. Когда эти великие цивилизации угасли, их противостояние передалось более молодым народам. Эту расстановку сил в истории Н. Данилевский представляет так: «Но и Рим, и Византия уже изжили свои творческие силы и должны были передать свое наследие новым народам. Наследниками Рима явились германцы, наследниками Византии — славяне; и в этих народах должна была ожить вековая борьба, которая велась всяким оружием между Грецией и Римом» [4, с. 308].

Ставя вопрос о взаимоотношениях между цивилизациями, А. Тойнби решительно относит Россию не к западной, а именно к византийской цивилизации, доказывая, что некогда усвоенные византийские формы продолжают быть активными [3, с. 370]. Некогда сделанный русскими выбор в пользу Византии продолжает определять ориентации России и по сей день. Именно эта, как выражается А. Тойнби, упрямая приверженность византийской цивилизации и породила в истории «враждебное отношение Запада» к России [там же, с. 372], что не могло не проявиться и в войнах XX века. Собственно, именно это отношение Запада к России и является вызовом.

Спрашивается, а причем тут византизм, когда Сталин исходил прежде всего из марксизма как доктрины, рожденной вовсе не византийской, а именно западной цивилизацией? Но в том-то все и дело, что, возникнув на Западе, марксизм, как система радикальных идей, меньше всего оказался реализованным в жизнь именно там. Будучи усвоенной русскими, и прежде всего русскими радикалами, эта система претерпела трансформацию. Она здесь реализуется в контексте и в формах византийской традиции. Ни одна цивилизация, заимствуя опыт другой цивилизации, не использует его в чистой форме, то есть в форме, присущей другой цивилизации. Чтобы этот опыт прививался, он должен был быть переведен на язык культуры, усваивающей чужой опыт. Поэтому история революции, как и политическая история, в России принимает визан-

тийский вид и предстает уже как порождение византийской цивилизации.

Чтобы выйти из ценностных ориентаций западной цивилизации, в соответствии с которыми Россия развивалась со времен Петра, нужно было опереться на какую-то уже существовавшую в истории основу. Ею и стала византийская традиция. Но в романтическую эпоху революции этот процесс еще не был очевидным. По-настоящему византийская традиция стала судьбой России в тот момент, когда власть сосредоточилась в руках Сталина, а еще точнее — в экстремальной ситуации, какой и явилась Вторая мировая война. Следовательно, империя в ее новой, сталинской, редакции — это реабилитация византийской традиции, которая была так упакована в марксистскую терминологию, что, казалось, ни о какой активности этой исторической традиции не могло быть и речи. Тем не менее это именно так. А византийская традиция в ее государственной форме известна как второй Рим.

Но если Сталин реабилитировал византийскую традицию, то было бы уместным назвать возводимую им вертикаль власти новым «третьим Римом». Нет, неслучайно некоторыми людьми Сталин воспринимался в образе первого архитектора Третьего Рима — Ивана Грозного. Возрождение византийской традиции возвращает Россию к оппозиции с Западом, поскольку Византия всегда была альтернативой западному миру, который во многом, во всяком случае в не меньшей мере, чем мусульманский мир, способствовал закату византийской империи. Стало быть, реабилитация идеи «Третьего Рима» автоматически приводит к противостоянию с Западом, а это противостояние, как утверждает А. Тойнби, характерно для всей российской истории.

Актуализация византийской традиции предполагает и соответствующее отношение к Западу. Когда выяснилось, что большой альянс, созданный в годы Второй мировой войны, после ее окончания сохранить не удастся, и стало очевидным, что Америка стремится лидировать в мире и диктовать свой императив, Сталин, прилагавший массу усилий по обеспечению равновесия и утверждению роли СССР в деле мира, переключился на создание и укрепление советского блока в странах Восточной Европы. Его план сохранения и развития демократизации в этих странах сменился жесткой советизацией. Соответственно изменился и курс во внутренней политике. Сталин справедливо рассчитывал на большее понимание со стороны западных держав, и для этого были основания. Во всяком случае, после Второй мировой войны для этого оснований было больше. Однако готовность Сталина открыться Западу не встретила ответной реакции. Диктатору не доверяли. Он ассоциировался с Востоком, а Восток для Западного мира — травма на протяжении всей предшествующей истории. Война с участием армии имела своим продолжением то, что в своей Фултонской речи 1946 года Черчилль назвал холодной войной. Такое ощущение, что, низвергнув с помощью одного диктатора (Сталина) другого (Гитлера), Запад начал наступление на первого, еще недавно бывшего его союзником. Так возникшее сближение сменялось все более

утверждающим себя отчуждением. Начиналась холодная война. Ощущая недоверие со стороны Запада, Сталин отвечал тем же.

Реабилитируя империю, спасал ли Сталин общество, или же предпринимаемая им реабилитация империи была продиктована необходимостью спасения цивилизации? Может быть, кризис, который начали ощущать после революции, на самом деле был кризисом уже не только общества, но и российской цивилизации в целом? Осознавал ли сам Сталин смысл предложенного и реализуемого им «творческого ответа» до конца, а именно как творческого ответа на надлом российской цивилизации, который казался только постреволюционным кризисом России?

Независимо от того, осознавал ли Сталин смысл своего творческого ответа, предпринятые им действия имеют отношение к судьбе российской цивилизации в целом. Возвращение к жесткой государственности, происходящее по инициативе и под руководством Сталина, означало не только реабилитацию империи, но еще и реабилитацию политических ценностей, определяющих ту часть российской истории, которая исчерпывается петербургским периодом. Вместе с реабилитацией империи происходила и реабилитация столь значимой для России византийской традиции, которую следует понимать в самом широком смысле, в том числе под такой традицией надо подразумевать и традицию политической культуры. Ведь жесткая государственность — это именно византийская традиция. Реабилитация империи оказывается реабилитацией той традиции, которая начиная с XVII века постепенно угасала, уходила в подсознание русских людей. Несмотря на регресс, судя по всему, сталинский творческий ответ оказался в тех условиях единственно возможным.

Каким странным это ни покажется, Сталин в XX веке был первым славянофилом, хотя известно, что славянофилы не были государственниками. В самом деле, когда война уже началась и Сталин 7 ноября 1941 года выступал на параде на Красной площади, он вспоминал исторические фигуры предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьму Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова и Михаила Кутузова. Самое интересное — это то, что сам Сталин называл себя славянофилом, точнее «новым славянофилом». Это определение он позволил себе в тот момент, когда казалось, что международная обстановка и отношение западных лидеров к России были благоприятными, то есть после Ялтинской конференции в 1945 году. Такую почти леонтьевскую мысль он высказал, когда говорил о необходимости единения славян перед лицом угрозы со стороны Германии во время приема в честь приезда чехословацкой делегации. «Мы, — говорил вождь, — новые славянофилы-ленинцы, славянофилы-большевики, коммунисты, стоим не за объединение, а за союз славянских народов. Мы считаем, что независимо от разницы в политическом и социальном положении, независимо от бытовых и этнографических различий все славяне должны быть в союзе друг с другом против нашего общего врага — немцев» [5, с. 338]. Совсем неслучайно Сталин дает сигнал реабилитировать русскую историю, которая началась с Алек-

сандра Невского, сделавшего выбор в пользу Великой степи, что определило всю последующую историю России, как и ее весьма непростые отношения с Западом [6]. Хотя со времен Петра I Россия радикально повернула на Запад, тем не менее она никогда полностью не могла порвать ни с византийскими, ни с восточными традициями, столь существенными для ментальности русских. Это-то и ощутил Сталин, выводя коллективное бессознательное русских в сознание и возводя на этой ментальной основе свою государственную вертикаль.

Курс Сталина предполагал формирование новой идентичности русских на основе древнейших традиций, тех традиций, которые пытались выявить русские философы-эмигранты, коих мы знаем как евразийцев. Неслучайно Сталина часто называют азиатом. Его можно назвать и славянофилом, и евразийцем. Это только подчеркивает, что в своем курсе он оказался очень далеко и от революции, и от модерна. Следовательно, его курс нужно осмысливать совсем на другом уровне, а именно на глубинном цивилизационном уровне, прорвавшимся в период, когда модерн был еще в апогее.

Данный Сталиным творческий ответ может быть понятен лишь в том случае, если кризисы XX века осмысливать под углом зрения надлома цивилизации. Творческий ответ Сталина имеет цивилизационный смысл. Осмысливать его деятельность на дру-

гих уровнях бессмысленно. Но если этот ответ рассматривать в контексте цивилизационных процессов, то это предполагает, что во внимание следует принимать особую длительность цивилизации, а также те фазы, которые каждый тип цивилизации проходит. Время цивилизации отличается от времени общества, это время больших временных протяженностей. Похоже, что современная ситуация и в России, и в мире способствует прорыву в осознании того, что история России — это все же история того типа цивилизации, который постоянно вынужден вспоминать о своих истоках и возвращаться к ним. Это и есть циклическая логика функционирования этой цивилизации в больших длительностях истории.

Литература

1. *Гиппиус З.* Живые лица. Стихи. Дневники / З. Гиппиус. — Тбилиси, 1991.
2. *Соловьев В.* Византия и Россия / В. Соловьев // Соч. : в 2 т. / В. Соловьев. — М., 1989. — Т. 2.
3. *Тойнби А.* Цивилизация перед судом истории / А. Тойнби. — М., 2003.
4. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н. Я. Данилевский. — М., 1991.
5. *Робертс Д.* Иосиф Сталин. От Второй мировой до холодной войны, 1939–1953 / Д. Робертс. — М., 2014.
6. *Вернадский Г. В.* Два подвига святого Александра Невского / Г. В. Вернадский // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья : в 2 т. — М., 1944. — Т. 2.